

Т.А. Акимцева

Мой отец, Журбей Алексей Михайлович, 1885 года рождения, был в Гражданскую войну партизаном. Поскольку ему приходилось в лесах ночевать на снегу, он сильно простыл и заболел острым ревматизмом, был прикован к постели в течении шести месяцев, после чего у него стянуло ногу: всю остальную жизнь он был инвалидом. Когда организовался колхоз, он первым вступил в него. Несмотря на это, его в 1931 году зачислили в ссылку. У него было десять детей, жили мы тогда в селе Клепечиха Поспелихинского района Алтайского края.

Вначале до станции Поспелиха нас везли на лошадях, дважды делали обыск и многое украли. Затем нас погрузили в телячьи вагоны. Там было ужасно, слышались крики, стоны. Мы не ели и не спали – нельзя было повернуться, нас затолкали как селедку в бочку.

В Барнауле погрузили нас в трюм баржи вместе с лошадьми и повезли вниз по Оби. Везли долго. Лошади от голода грызли хвосты друг другу и тут же подыхали. Был дикий запах в трюме. Без света и воздуха умирали люди на глазах у детей.

Довезли нас до села Парабель и высадили на противоположном берегу. Тогда там был остров, а сейчас поселок Запой. Жили мы в палатках. В июне было холодно, много было комара и мошки – мы, дети, плакали день и ночь, пищали как голодные котята. Тогда отец и еще одна семья решили купить две лодки–двухтонки, связали их, нагрузились и поехали вниз по реке Парабель до поселка Пристанского водой на расстояние 240 км. В поселке Пристанском жили три семьи из нашего края, высланные ранее. Плыли мы двенадцать суток.

Помню, причалили мы к берегу на ночлег, а за комаром и мошкой света не видно. Мы, дети, всю ночь выли как волчата, и помню, как отец сказал: «Привезти бы сюда Сталина, раздеть догола и привязать к дереву, и тех его соучастников, которые над селом властвовали». Так продолжалось двенадцать ночей, и когда мы, наконец, причалили к берегу Пристанского, увидели, что три семьи жили в палатках.

Напротив, через реку Парабель был поселок Новиково, там стояло несколько домов старожилов. Тайга была непроходимой. В тайге поставили палатки, и первое время жили в них, затем решили строить себе жилье. Отец топором рубил деревья, а мы, дети, на веревках таскали их к месту постройки. С трудом слепили себе халупку, и началось наше существование. Стали корчевать пни и целину капать лопатами. На руках лопались кровавые мозоли, но работу не прекращали.

Затем еще ссыльных привезли, организовали колхоз, работали мы день и ночь и все вручную. Когда уже собрали урожай, то на трудодни нам хлеб, вернее муку, делили ложками, а остальной урожай забрали. Денег колхозникам не давали. Помню, выделили нам несколько телят под трудодни. Мы вырастили их по корове и стали на них пахать, сено, дрова возить, еще и масло сдавали.

Отец был шорником, шил сбрую для коров. Был холод и голод, ели гнилушки, пучки, саранки, колбу. Всякие листья сушили и подмешивали в муку. Все дети с десяти-двенадцати лет пошли на колхозные работы. Это был каторжный труд.

Комендатура была в поселке Новиково. Коменданты нас очень угнетали, не считались с нами, даже избивали. Помню, одна рыбачка была полуслепая, в ее сеть попала лягушка, она осмелилась и сказала: «Давайте Сталину пошлем эту лягушку!» Её тут же забрали, осудили и увезли, звали ее Калинина Феня.

Многих мужчин ночами забирали и увозили бесследно. Если все подробно описывать, то получится книга. Но все не описать, да и возраст уже не позволяет. Я живу одна, больная, мне 68 лет и хотелось бы поднять Ленина, все ему рассказать. Ведь он создавал колхозы, а мы в них нажили грыжи. У меня есть справка от колхоза, но в стаж эти годы не засчитали. Спрашивается, на кого же мы работали?